

A woman with long, wavy brown hair is seen from behind, wearing a vibrant red, long-sleeved, tiered dress with a matching red sash. She stands on a path covered in fallen autumn leaves, surrounded by trees with sparse, brown foliage. The background is a misty, overcast sky.

Сабина Сайгун

**Красные
туфельки**

18+

Сабина Сайгун
Красные туфельки

«Автор»

2025

Сайгун С.

Красные туфельки / С. Сайгун — «Автор», 2025

«Красные туфельки» — это пронзительная и жесткая история о детстве, лишенном защиты и любви. Это тридцатая, юбилейная книга автора, которую она посвятила человеку, помогшему ей выбраться из тяжелого периода жизни. Повествование, ведущееся от первого лица, погружает читателя в мрачный мир ребенка, столкнувшегося с несправедливостью, насилием и предательством самых близких людей. Девочка отчаянно пытается выжить, сохранить в себе человечность и найти хоть крупицу тепла в ледяном мире взрослого равнодушия и жестокости. Ее красные туфельки — символ хрупкой надежды и того далекого, нормального детства, которого у нее никогда не было. Это тяжелая, но важная книга, поднимающая темы домашнего насилия, социального сиротства, стойкости человеческого духа и поиска спасения даже в самых безысходных обстоятельствах.

© Сайгун С., 2025

© Автор, 2025

Сабина Сайгун

Красные туфельки

Это были тяжёлые моменты моей жизни, когда я начала работу над произведением «Красные туфельки». Было то время, когда мне казалось, что жизнь остановилась. Ничего не двигалось со своих мест, ничего не менялось, ничего не улучшалось, разве что наоборот. В конце концов, однажды утром я поймала себя на мысли, что мне больше не хочется просыпаться. Наверное, я переживала депрессию. Выбраться из этого состояния мне помог один прекрасный Человек. Человек, которому я многим обязана, которого очень люблю, поэтому именно Ему я посвящаю свой юбилейный труд. Посвящаю в память всего прекрасного, всего хорошего, что он мне подарил. Посвящаю со всей любовью.

В этот тяжёлый для меня период я изливала душу на бумаге, и в результате в свет вышла моя юбилейная, тридцатая книга. Все персонажи, события данной книги – мой вымысел. «Красные туфельки» – это единственное из моих произведений, которое я сама несколько раз перечитывала, при этом ничего более не добавляя, ничего не убирая. Откуда этот сюжет, откуда эти герои – не знаю. Но знаю одно: я двумя руками против всего плохого, что может быть в нашей жизни, я против жестокости, против несправедливости, я против произвола и насилия. Особенно произвола семейного. Наши дети – это наше счастье, это смысл всей нашей жизни, это самое прекрасное, что с нами может произойти. Я желаю им здоровья! Каждому малышу, каждому ребёнку я желаю полной, счастливой, любящей и заботливой семьи. Каждой семье я желаю побольше малышей!

Мне было девять, когда в деревянные двери нашего дома постучался какой-то мужчина.

Ах, здравствуй, Магеррам, – покраснела мама, схватив его за рукав меховой куртки и втянув внутрь дома. Магеррам тяжело опустился в скрипучее кресло, вытянув перед собой длинные ноги в заштопанных носках.

Встань, разложи тарелки и нарежь хлеба! – прошипела мама, раскладывая перед незнакомцем фрукты. – Будешь персики? – заулыбавшись, предложила она ему. – Чуть позже обязательно попробую, – усмехнулся Магеррам. Засмотревшись на них, я случайно уронила тарелку с супом. Рухнув на пол, она разбилась вдребезги, резким эхом отозвавшись в полупустых комнатах и расплескав повсюду содержимое. Трясущимися руками я стала собирать неровные осколки, вдруг ощутив холодную ладонь мамы на моей щеке. В глазах блеснуло, а к щеке подкатил жар.

Дрянь безмозглая! – не сдержалась мама и, схватив меня за волосы поволокла в сторону входной двери. Я ощутила во рту безвкусный снег, ударившись лицом о землю и услышав за собой стук только что запертой двери. Мама вышвырнула меня на улицу.

Гав! – не узнав меня, рывкнул дворовый пёс.

Это я, Лали! – сдерживая слёзы и потирая руки, проговорила я, озираясь на дверь. Обычно минут через пятнадцать она открывалась и, когда незнакомый дядя выходил и даже если дядя не уходил, она всё равно открывалась и мама впихивала меня обратно. Но в этот вечер мама обо мне забыла. Больше не чувствуя ног и замёрзших рук, я посмотрела в сторону будки Лали. Он не спал, уставившись на меня круглыми чёрными глазами. Лали был очень умным и преданным псом. Не помню, как он к нам попал, но помню, что с того самого момента он был посажен на звонкую цепь.

Лали, – шепнула я, и он ласково замахал пушистым хвостом. Я с трудом подошла ближе к старой будке и залезла внутрь. Тут было относительно тепло. Холодный ветер не проникал внутрь, а пролетал мимо, лишь посвистывая и подгоняя вперёд пушистые снежинки. Из

Лалиной будки я могла наблюдать за моим домом. – Ты точно также лежишь и наблюдаешь за нами? – обращалась я к псу, на что тот недовольно рывкнул и, улёгся рядом, стараясь большее место в будке уделить мне. Видимо, мама была пьяна, потому что сквозь свист ветра я отчётливо слышала её невнятный голос. Он становился таким, когда она пила эту прозрачную жидкость из длинной бутылки. Тогда она становилась такой смешной! Иногда Лали резко вылезал из будки и громко лаял в ответ на громкий смех мамы или дяди Магеррама, будто напоминая им обо мне.

Сюда! Сюда! – стала молить я пса, когда услышала скрежет двери и медленные шаги кого-то по веранде. Видимо, дядя Магеррам спустился во двор, потому что в будку стал доноситься хруст только что усилившегося снега.

Заткнись, скотина! – он явно пнул пса под живот, потому что Лали резко застонал и юркнул обратно в будку. Я обняла животное за шею, прижавшись к нему всем телом. «Не бойся, Лали!».

А! Вот ты где, убудка! – дядя Магеррам схватил меня за волосы и с трудом вытянул из собачьей будки. Лали не пошевелился, в его маленьких, но умных глазах застыл страх.

Издохнешь ведь с холоду! – волок он меня внутрь вверх по ступеням. Мама лежала на диване у камина, чуть прикрывшись шерстяным одеялом. Она крепко спала. Юркнув к камину, я всячески старалась согреть замёрзшие руки. Дома неприятно пахло. Из того, что приготовила мама, ничего не осталось, я стянула со стола кусок хлеба, наблюдая за дядей Магеррамом.

Подойди ближе, убудка! – скомандовал он, и я медленно подошла к нему. Он сидел в кресле, посасывая из зелёной бутылки пахучее пиво. – Это же ждёт и тебя! – указал он на маму, – такая же будешь б...ь! Все вы, бабы, одинаковые! Я смотрела то на него, то на старый пол, пока не ощутила сильный удар ногой в живот. Меня отбросило в сторону, а от боли загудело в ушах. Кусок подсохшего хлеба так и остался лежать у кресла, в котором он сидел. Скрючившись, и поджав под себя ноги, я закрыла глаза. На сегодня хватит! Лучше уснуть!

Очнувшись утром на холодном полу, я не чувствовала живота. Огромный синяк, размазанный по всему животу, как чёрное облако, не позволял мне ни согнуться, ни разогнуться. Я с трудом доползла до своей комнаты и свалилась в постель. Сквозь болевой сон я определила, что мама давно проснулась и отмывает грязь вчерашней ночи не с себя, а с полов, со стола и с посуды. Она явно открыла двери, чтоб проветрить комнаты, потому что я почувствовала ледяной холод и крепче завернулась в старое одеяло, стараясь ничего не вспоминать.

Он стал приходить чаще, а спустя несколько недель почти каждый день, стал приносить нам фрукты, иногда мясо и душистую зелень, а в итоге дядя Магеррам и вовсе переселился к нам. Мама отстирывала его одежду, развешивая изношенные джинсы и пожелтевшее нижнее бельё, готовила сытный суп, сама ходила в магазин, а вечерами подолгу копалась в теплице. Я не помню точно, чем занимался дядя Магеррам, но, по-моему, он работал на ферме в соседней деревне. От него всегда стойко пахло соляной и машинным маслом. Возвращался он поздним вечером, как раз тогда, когда на тёмном небе начинали проявляться чёткие контуры пленённых звёзд. Мама стаскивала с него тяжёлые сапоги, укладывала его вонючие ноги на маленькой подставной стульчик у дивана, а сама бежала в баню за горячей водой. Когда дядя Магеррам приходил, я старалась не показываться ему на глаза и почти всё время проводить в своей комнате. Мне повезло, что он уходил ранним утром и появлялся, как тень, поздним вечером. Так что мне приходилось прятаться в своей комнате около двух-трёх часов, пока, напившись, они с мамой засыпали. Иногда сквозь сон я часто слышала жуткие мамины стоны. Мне было жаль её. Детское сознание подсказывало мне, что мама так стонет от боли, и однажды, собравшись с силами и поджав под мышку одноухого медвежонка, я маленькими шажками потопала в их

комнату, хотя подниматься туда мне было строго настрого запрещено. Я подтолкнула деревянную дверь, и она чуть слышно скрипнула.

Мам, тебе плохо? – выдавила я и сделала шаг вперёд. Мама лежала на постели, почему-то снова совершенно голая. Мне часто приходилось видеть её в таком состоянии, но в этот раз голым был и дядя Магеррам.

Почему вы делаете больно моей маме? – простонала я, подтирая подтёкшие сопли. Он меня услышал и, совершенно не смущаясь наготы, сполз с моей мамы и, сделав пару шагов, вплотную подошёл ко мне так, что все его прелести оказались у моего лица.

Что ты тут делаешь, пиявка? – опустил он на одно колено. Сначала от удара по голове меня затошнило, потом почему-то швырнуло в сторону и в итоге, сама не знаю как, я скатилась с лестницы второго этажа к самой печи и больше ничего не помнила. Утром о прошлой ночи мне напоминало опухшее лицо, посиневшие губы, шишка на голове и ссадины по всему телу. Я лежала и глупо смотрела в потолок, а мой одноухий мишка с вшитыми глазами-пуговками так и остался обреченно лежать на полу у дверей маминой спальни. Наверное, мама меня любила, потому что по субботам она согревала в железной кастрюле воду, разбавляла её холодной водой и купала меня, подстригала мне ногти, расчёсывала волосы и заплетала их в тугую косу, отчего виски у меня натягивались и подолгу зудели. Мама стирала мою одежду, чистила мои единственные красные туфли, а по утрам жарила мне яичницу с зеленью и сыром. Очень часто, когда дяди Магеррама не было дома (а дома его не было до самого вечера) к нам приходили другие дяди и мама, всучив мне в руки горбушку хлеба, отправляла меня «погулять во дворе». Я отправлялась чуть дальше, ближе к протекающей поблизости с нашей деревней реке. Я усаживалась на высокий плоский камень и подолгу рассматривала округу. Когда очередной незнакомый дядя уходил, у мамы появлялось немного денег. Она прятала их в свою подушку, аккуратно зашивая сделанный порез на ткани.

Мы уедем из этого чёртового места раз и навсегда! – трясла она меня за плечи, а мне приходилось прикрывать нос, потому что выносить запах из её рта было невозможно, ночами мама очень много пила. «Только дядя Магеррам не должен знать, что дядя Акиф, Сулейман, Сеид, Алиас были у нас», – настаивала мама, и я кивала головой. С каждым разом этот список рос, и я стала забывать их имена, в конце концов, определив для себя, что лучше дяде Магерраму вообще ничего не знать. Я хватала кусок хлеба, запасалась помидорами и бежала на улицу.

Я делаю это для твоего будущего, – заискренилась однажды мама.

Что? – не понимала я.

– Ну, работаю и собираю деньги!

Я задумывалась, потому что буквально через несколько часов то, что мама собирала для моего будущего, спускалось в кассу деревенского магазинчика в обмен на пару литров крепкой водки. Меня это не удивляло и даже не обижало, не вызывало никаких возражений, а даже радовало, когда на оставшуюся сдачу я могла взять с прилавка пакетик жевательной резинки или стеклянных конфет со вкусом клубники. Я топала вслед за мамой в сторону нашего дома, иногда опаздывая и отставая в шагах, крепко сжимая в руках вкусные сладости. В школу я не пошла. Я сидела на деревянном подоконнике нашего дома, устремив глаза по направлению к сельской дороге, по которой каждое утро проходили десятки малышей и подростков, спешащих на занятия в школу. Я рассматривала их резиновые сапожки, выпачканные в сентябрьской грязи, их цветные курточки и пальтишки, красные шапочки, мелькающие по утрам туда, а вечером обратно, и вздыхала. Кто-то возвращался, держась за руки, кто-то одиноко плёлся обратно, кого-то вела бабушка или мама. Тогда я оборачивалась в сторону комнат, выискивая глазами свою маму. Моя мама, если не стояла у плиты или не стонала в спальне, собирая что-то мне на будущее, то обязательно лежала на обшарпанном диване у плиты, раскинув по сторонам руки, а вокруг валялись зловещие, недавно опустошённые бутылки с дурманящей жидкостью.

Твоя мама – шлюха! – заявила мне однажды соседская девчонка из тех, что каждое утро ходит в школу.

– И что?

Ты поэтому не ходишь в школу, – продолжала она, – потому что ты тоже будешь шлюхой?

Кто тебе это сказал? – привстал я, стараясь быстрее ускользнуть домой.

– Это все знают. А мне моя мама сказала! А ещё, если мой отец ещё раз придёт в ваш дом, моя мама и дядя сожгут его, – она подошла ближе и внезапно плюнула мне в лицо. Липкая слюна сползла по моей щеке и свисла с подбородка. Я выдохнула и бросилась ей в лицо, схватив её за длинные рыжие волосы, стараясь искусать её изнеженные руки. На дикие вопли рыжей бестии прибежала её родительница и выместила на мне всю скопившуюся за эти годы злость на мою мать. Я пришла домой в изодранном платье и с разбитым лицом. Мамочка Адели не сжалилась и выдрала мне клочок волос на затылке.

Кто это тебя так? – рассматривал вечером моё лицо дядя Магеррам.

Никто, – обошлась с ответом я.

Что ты её рассматриваешь? – спохватилась мама.

У неё лицо разбито. Это ты так отмузузила её? – оскалился дядя Магеррам.

Нееет, – протянула мама и уселась ему на колени. Я спряталась в комнату. На кровати, прижавшись к подушке, сидел мой одноухий мишка, за этот год потерявший свой последний глаз. Единственный друг! У того, чем занималась мама, значит, было название, и многие мамы деревни это знали. Быть может, поэтому к нам никто не приходил. Никто не поздравлял нас с праздником и не приходил в гости. Быть может, потому мама не отослала меня в школу – там нет места таким, как я!

Дни проходили один за другим одинаково бесполезно. Одинаково серо. Прошла зима, весна промелькнула, а впереди предстояло пережить ещё одно лето. Лето мне нравилось, несмотря на то что ночами было душно и невозможно спать, а по старым стенам дома рассаживались прожорливые комары. Летом большую часть времени мама проводила в поле, на нашем участке. Она в одиночку собирала картофель, помидоры, зелёный перец и баклажаны, укладывала их в деревянные ящики и вывозила на арендованном Ford Transite в город на рынок. Она приезжала поздним вечером в хорошем настроении и с деньгами. В этот раз заработанными честным трудом. Кое-что мы припрятывали на следующий сезон на покупку удобрений и посев, а остальное запасали на зиму – на продукты.

Дядя Магеррам пришёл с работы раньше обычного, он стянул с себя выпачканные в грязи и зимой и летом сапоги и уселся в любимое кресло.

Мать ещё не вернулась? – прогремело по всем комнатам. Я отбросила в сторону подушку, обнявшись с которой лежала на постели, и прошла в гостиную.

– Ты чего не слышишь? Немая?

– Нет.

– Что нет?

Не вернулась ещё, – чуть слышно проговорила я.

Он захрапел, а я решила погреть приготовленный мамой ужин и накрыть на стол. Спустя некоторое время дядя Магеррам помыл руки, смыв с них жёлтое масло, и уселся за стол.

Послушай, неудачница, сюда кто-нибудь приходит, пока меня дома не бывает? – он устремил на меня пронзительный холодный взгляд.

Я вздрогнула, но сразу вспомнила мамин наказ.

Нет, – вырвалось с губ.

Значит, я был прав – по стопам матери пойдёшь! – он опрокинул стакан волшебной жидкости, через некоторое время превратившее его в бессознательное существо, чавкающее над тарелкой рисового супа и что-то бурчащее себе под нос.

Такая же тварь будешь! – выкрикнул он, отчего во дворе раздался преданный лай Лали, – Ах, мерзкая псина! Перечить мне будешь! – Он вывалился из дому на улицу и поплёлся к будке. Услышав знакомые шаги, Лали потерял уверенность в голосе, вильнул пушистым хвостом и, заскулив, бросился в будку. По дороге дядя Магеррам прихватил лежащую на земле лопатку.

Сейчас я тебе покажу, псина! – прошипел он, и я будто очнулась.

Нет, дядя Магеррам, – бросилась я к нему в ноги. – Вы убьёте его! Умоляю, не надо! – вопила, что есть силы я, не ощущая от накативших мыслей его пинков мне в живот и грудь. Я обхватила руками его ногу.

Сгинь, сатана! – кричал он. Собака стала скулить, иногда выбегая из будки, рвякая и снова прячась внутрь. Внезапно у меня изо рта потекла кровь, но и это не остановило дядю Магеррама. Он перевернул в руках лопату и со всей силой пнул меня деревянной рукояткой в плечо. Я застонала от боли и упала прямо у будки Лали, прикрыв костлявым телом маленький вход в неё. Мы лежали с Лали лицом к лицу, я рассматривала стенки своего убежища. Лали рассматривал моё окровавленное лицо.

Тварь ты! – он в последний раз пнул меня ногой в бок. Я не пошевелилась. Я упала в обморок, сознание на время оставило меня.

Я с трудом приподнялась с земли, волоча за собой отёкшие ноги. Застывшая на лице кровь стягивала кожу. Я прошла внутрь дома. Мама лежала на полу, а рядом с ней валялись выбитые им ночью её зубы. Я ничего не слышала, а может, и слышала её стоны и мольбы, слышала пощёчины и пинки. Дядя Магеррам избил маму, изуродовал ей лицо, сломал ногу и выбил сразу несколько зубов кулаком. Она приехала из города в гипсе и с перемотанной головой.

– Он забрал все наши деньги! Это ты ему сказала?! – промычала мама, а сквозь пустоты от бывших зубов у неё отскакивала со рта слюна.

– Нет, клянусь, нет! – хотела было заплакать я, но боли в спине не позволяли сделать это.

– Ты! Ты! С момента, как ты появилась, вся моя жизнь пошла на пере- косяк! – кричала мама, вытянув и уложив на стуле загипсованную ногу.

– Почему же он избил тебя? – вдруг опомнилась она, будто заметив, что правого глаза у меня на лице совершенно не видно.

– Он хотел убить Лали, а я заступилась!

В тот вечер я оставила маму одну, заварив ей крепкого чая, а сама отправилась во двор.

– Пошли, Лали, пошли! – тянула я за цепь покорное животное, пока мы не вышли в сторону реки. Здесь было спокойно и тепло. Лали сидел рядом, вывалив изо рта розовый язык и наблюдая за летающими над рекой птицами. Впервые за всё это время я задумалась. Глубоко и по-взрослому.

– На, Лали, – я угостила единственного друга печеньем, – Так больше продолжаться не может!

– Так больше продолжаться не может, мам! – начала я, на что мама открыла опухшие глаза. – Я устала! Я хочу в школу, как все девочки и мальчики нашей деревни! Я устала, что ты пьёшь! Устала, что тебя бьют! Я устала жить так, как мы живём!

Будто слыша мой голос со двора, мне понимающе поддакивал Лали. В тот день только он отозвался мне. Вечером к нам в дом пришёл кто-то в форме. Мама всегда странно относилась к людям в полицейской форме, по большей части пытаюсь с ними никогда не сталкиваться. Он стоял над ней, выпрямив спину и удерживая в руках маленький блокнот.

– Так где вы упали? – раздался его сдержанный голос, явно не верящий словам мамы.

Чуть вытянув руку, мама указала на деревянную лестницу, ведущую на второй этаж. Мужчина в форме сморщил лоб и прикусил губу, сделав шаг в сторону лестницы и внимательно рассмотрев её со всех сторон.

– А ваша дочь тоже упала с лестницы?

Я закрыла левый глаз, потому что правый и без того оставался закрытым, и опустила голову. Он сел в кресло напротив мамы.

– Внимательно послушайте меня, – он сделал строже и ниже голос. – Мне предельно надоело то, что вы устраиваете у себя дома. Надоело каждый раз появляться на вашем пороге и выслушивать вашу ложь, делая вид, что вы умнее, но я предупреждаю вас – закрывать глаза на вот это (он показал пальцем в мою сторону) состояние ребёнка я не стану и сейчас же напишу доклад в адрес начальника управления.

Мама изменилась в лице, собрав у переносицы брови.

– Может, мы с вами договоримся? – она сделала нежнее голос, а меня стало тошнить от её доступности.

– На меня подобное не действует! – изобразив на лице отвращение, он встал на ноги. Я отодвинула далеко-далеко все мысли и бросилась в сторону участкового полицейского.

– Пожалуйста, – взмолилась я, – Я сама виновата. Сама! – рыдала я, ощущая, как сдавливается от боли грудь.

Слёзы из моих глаз стали обжигать щёки, руки затряслись от страха, что если маму накажут из-за меня, то она мне никогда этого не простит!

– Ненавижу этого идиота!!! – вырвалось у мамы, когда обескураженный полицейский захлопнул нашу дверь, всё же высказав маме то, что его больше всего беспокоило. Все оставшиеся дни превратились для меня в каторгу.

– Неужели он не вернётся? – плакала мама, выглядывая в окно, – Как он мог узнать? Кто ему мог сказать?

– Наверное, кто-то из тех, кто приходил к тебе в гости, – не выдержала я. Мама замолчала, впервые за всё время не ударив, не пнув меня, не оскорбив. Она просто, рухнула в кресло, уложив на стол ногу и закатив глаза от боли. Я поставила перед ней чай, потому что больше ничего съедобного дома не было. За окнами дома, обливаясь и скуля, сидел на цепи Лали.

– Мама, ты не проголодалась? – постаралась напомнить о еде я. Она мотнула головой в знак того, что не голодна. В доме стало душно. С одной стороны воздух сдавливала летняя жара, а с другой мамино настроение. С того дня как мама приехала из городской больницы, она не купалась, не причёсывалась, хотя я несколько раз согревала воду, приносила мыло и шампунь. Маму даже не беспокоили пропавшие деньги, её больше всего беспокоил дядя Магеррам. Извиваясь и крича, что есть силы от боли, она ждала его вечерами, захлёбываясь слезами. Так прошла неделя.

– Это всё ты, ублюдка! Всё ты! Я знаю, что к чему! Ты думаешь, я не поняла, почему ты меня заложила? – скалилась мама, сжимая кулаки. Ах, если бы не мамина сломанная нога – туго бы мне пришлось. Я съела жёлтое яблоко, обстрелянное чёрными пятнышками, но удалить чувство голода не получалось. Тем временем мама около восьми дней ничего не ела, разве что чай с кусочком лимона раз шесть в день.

– Мам, у меня от голода голова кружится!

– Ну, так походи и заработай! – выкрикнула она с такой силой и злобой, что на эхо отозвался знакомый голос Лали. Я вздрогнула. Именно эти слова мамы заставили меня на долгие годы полностью поменять своё отношение к ней. Не знаю, что стало происходить со мной, но по несколько раз в день и даже ночами, когда я спала, мне холодно и дерзко кто-то шептал: «Пойди и заработай!». Я помню, как мы добирались до города – это метров двести до центра деревни, потом надо занять место в автобусе и ехать до конца к самой площади, где, сидя на

бронзовом коне, молодой мужчина крепко держал в руках тяжёлый меч. Я часто видела этот памятник, а за ним через несколько улиц стояло двухэтажное здание полиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.